

[Оглавление](#)

Лидия Волконская Прощай, Россия! (Моя жизнь) Глава 3. Первая мировая война

На другой день тетя отправила меня с Ниной, моей кузиной, по магазинам, чтобы купить нужную мне одежду. Когда все через несколько дней было куплено, и я была зачислена в Художественную Школу, папа, довольный, что все хорошо для меня устроил, уехал. А мне так грустно было остаться без него.

Несмотря на роскошную обстановку, на богатство, дававшее возможность удовлетворять малейшие желания и капризы, на отсутствие каких-либо забот и печалей, а может быть, поэтому, повседневная жизнь в доме дяди Валеры оказалась удивительно скучной и бессодержательной. Отношения в семье были холодны, почти официальные - не было душевного тепла, уюта, может быть, любви. Причину этого я узнала позднее.

Подчиняясь общему духу семьи, я как-то сжалась, ушла, как улитка в свою скорлупу, принимая только внешнее участие в общей жизни, ни с кем не делаясь ни своими мыслями, ни чувствами, ни заботами.

Впрочем не я одна, а каждый в доме был сам по себе, часто не зная, что с собою и своим временем делать.

Дядя Валера - высокий, полный, с настойчивым, словно чего-то требующим, взглядом больших, умных глаз, с ровным, красиво очерченным носом, пушистыми, прикрывающими верхнюю губу, усами - был на редкость представительной наружности. По характеру казался замкнутым, молчаливым, даже угрюмым. Все его стеснялись, даже побаивались, в том числе и я. Все свое время он проводил в его роскошно убранном кабинете, где читал газеты и принимал деловых людей, главным образом евреев.

Ни этого своего добровольного заточения, ни городской жизни, в удовольствиях и развлечениях которой, он никогда не принимал никакого участия, дядя Валера не любил. Его, как помещика, всегда тянуло в деревню. Там он оживал и даже с мужиками вел охотно продолжительные разговоры делового характера об улучшении их хозяйства и быта.

Тетя Нюня веселая, кокетливая, легкомысленная была во многом ему противоположна. Среднего роста, полная, с маленькими изнеженными ручками и ножками, она ходила редко и медленно, на кого-либо опираясь, точно ей было больно ступать. Вполне возможно, что из кокетства тетя носила слишком тесную обувь. Черты лица ее были неправильны, но приятны. К ее карим глазам очень шла красивая прическа из белокурых локонов. Злые языки говорили, что это был парик, так как локоны никогда не отрасли

и не меняли своей формы. Почти все свое время тетя Нюня посвящала заботам о своей наружности и одежде.

- Вот ужас! - говорила она, - опять я опять пополнела, надо ездить в Сандровский Институт. Массажи эти все же помогают.

"Наводить красоту", по ее выражению, тетя ездила в Париж и на курорты в Германию. Оттуда привозила всякого рода косметику и аппараты, которые держала в своей туалетной комнате, похожей скорее на химическую лабораторию. Входить туда никому не разрешалось.

Несмотря на эти маленькие слабости, тетя Нюня очень располагала к себе. Добрая, прямодушная, она ко всем относилась доверчиво и ласково, и был ли кто беден или богат, стоял ли он на самой высокой ступени социальной лестницы, или на самой низкой, для нее это не играло никакой роли - она со всеми была равна. Происходило это в ней не от каких-то усвоенных ею принципов, а просто, естественно: иначе она не понимала, так как отношения к людям у нее складывались на инстинктивном чувстве симпатии или антипатии к ним. Говорили, что между киевскими босяками были типы, которых она считала своими хорошими друзьями.

С моими двумя кузенами я встречалась только за столом и мало их знала.

Старший был в университете, а все свободное время проводил с одной барышней в доме ее родителей. Позднее он на ней женился. Младший Коля был в одном из средних классов гимназии. К занятиям он относился небрежно, но сам много читал и даже интересовался вопросами религии, что не мешало ему любить развлечения. Вне гимназии Коля не хотел носить гимназическую форму. Он завел себе штатский костюм, шляпу с полями, которые опускал как артисты кинематографа, на один глаз, штатское пальто и даже палку с набалдашником. Дядя возмущался его видом, а тетя защищала.

- Ну, и скука здесь у вас, мухи дохнут, - говорил Коля недовольным тоном, - хотя бы яхта какая была, да поехать на Средиземное море - и того нет. Сиди здесь в этом паршивом Киеве, и что здесь делать?

От нечего делать он привязывал к хвосту кошки клочок бумаги и забавлялся глядя, как она, выпучив от страха глаза и вытянув палкой хвост, бросалась с предмета на предмет, или, бросившись на спинку, гребла в воздухе лапами, стараясь отвязаться от ускользавшей на ее хвосте бумажки. Коля смеялся, пока кошка, утомившись, не сворачивалась в клубок, где-либо в углу дивана.

- Вот тоска, - опять хандрил Коля, слоняясь из комнаты в комнату.

Моя кузина Нина, также как и я, весной закончила институт в Киеве, но никуда дальше поступать не собиралась. Ее высокая, стройная фигура, с плоскими грудью и бедрами, носила скорее мужские очертания. Главным и большим украшением Нины были глаза: большие, черные, правдивые и ниже пояса тяжелая коса. Сама Нина была недовольна своим ровным, не совсем свежим цветом лица и довольно толстыми ногами. Мне она казалась красавицей, возможно потому, что одевалась очень элегантно и со вкусом, а я по неопытности относилась это на ее личный счет.

По утрам Нина долго ходила с непричесанной косой, в халате и в стоптанных домашних туфлях. Впечатление Нина производила неприветливой, мало разговорчивой, иногда резкой и унылой. Происходило это от ее застенчивости, так как в глубине души она была очень чувствительна, доверчива и серьезна. Нина ничего не делала, не читала, казалось, ничем не интересовалась. Свое хроническое грустное настроение, она изливала в пении.

Часто, вернувшись вечером из школы, я устало забиралась на диван в углу залы. Сумерки постепенно сгущались и только, падавший со двора сквозь кружево занавесок, свет фонарей ложился узорами на паркетный пол и освещал, склоненную у рояля фигуру Нины. Аккомпанируя себе, Нина пела с большим чувством, на "цыганский манер" и слегка растягивая слова, модные тогда романсы:

"Я вас ждала с безумной жадной счастья,
Я вас ждала... А вы, вы все не шли..."

- звучало с тоской ее низкое контральто.

Слушая, я глубоко, до сладких слез переживала это настроение непонятной грусти.

- И что это вы здесь размазались! - говорила часто, входя и зажигая свет, тетя Нюня, - пойдем лучше в кино, хорошая картина идет.

- Не хочется, да я уже сегодня выходила, - отказывалась Нина, - ах, мама, а кого я сегодня видела. Угадай!

- Ну как я могу угадать, мало ли кого?

- Песецкого, (артист драматического театра). - Ах, какой он интересный! И посмотрел на меня, как будто знает, кто я.

- И наверное знает, - сказала тетя, - брось ему на сцену в следующий раз цветы, когда пойдешь в театр.

- Брошу, непременно брошу. Я стояла у витрины, когда он проходил, и рассматривала серьги: вот это серьги! - вообрази - два огромных бриллианта, вставлены так тонко, что оправы не видно, горят как звезды и по величине вот такие; - показала Нина, прикладывая Ноготь указательного пальца к суставу большого, - огромные, стоят целое состояние, и мечтать нечего.

- Почему нечего? - сказала тетя, - вот, если выйдешь замуж за Варнич-Варницкого, то папа тебе к свадьбе подарит.

- Я, за Варнич-Варницкого? За этого плюгавца! Терпеть его не могу, да и он меня не любит. Все говорят, что ему интересна не я, а мое приданое.

Варнич-Варницкий, сын профессора Киевского Университета, уже два раза делал Нине предложение и оба раза получил отказ, но продолжал ухаживать и грозил, что если в третий раз получит отказ, то застрелится. Нина называла его комедиантом, дураком и слышать о нем не хотела.

- В конце концов не такая уж я и уродливая, может и меня кто-либо полюбит, а не мое приданое, - говорила обиженно Нина.

- Что ты выдумываешь. Варнич-Варницкий наверное искренне тебя любит. Чего бы он так настаивал, есть же и другие богатые невесты, не ты одна. А я вот все думаю, какую шубку мне на зиму сделать, как ты думаешь?

- Может каракулеву? - предложила Нина.

- Каракулевая, каракулеву!... Каждая еврейка ее носит. А знаешь что папин Берштейн сказал: "Она шла по Крещатику и несла на себе каракулево манто", - подражая еврейскому акценту, смеясь, сказала тетя Нюня.

По вечерам мы часто отправлялись в кино, или в театр, или в оперу, где была абонирована ложа на целый сезон. Ездили туда в карете, запряженной парой серых в яблоки лошадей. Выездом этим очень гордились, считая его самым красивым в Киеве. Когда я в первый раз ехала с тетей в оперу, то чувствовала себя как Золушка, едущая в сказочный дворец, тем более что там должны были быть "два принца"! Двое приглашенных молодых людей, приглашенных тетей.

Когда мы вошли в ложу, зал был ярко освещен и полон нарядной публики. Наша ложа была вторая от сцены, в бельэтаже и очень на виду. Мне показалось, что все посмотрели на нас.

Я быстро, вслед за тетей, опустилась в кресло, стараясь спрятаться за бархатную драпировку. Тетя Нюня в черном, сильно декольтированном платье и с пелериной из голубых лисиц, выглядела очень эффектно. Я, хотя тоже в красивом платье, которое мне высмотрел в витрине и купил папа, чувствовала себя маленькой и робкой девочкой. Шла увертюра первого акта, позади нас блеснула полоска света и в ложу вошло двое молодых людей. Тетя, шепотом поздоровалась и указала на кресла позади нас. Я сидела, устремив глаза на сцену и делая вид, что всецело поглощена тем, что там происходит. На самом деле я почти ничего не видела и не слышала.

"Мне надо было обернуться и посмотреть, когда они вошли, а я, как настоящая ромейская гусыня. Что они подумают" - смущенно, порою чувствуя на себе любопытные взгляды наших кавалеров, - думала я.

В антракте тетя познакомила меня с молодыми людьми. Они что-то меня спросили, я что-то им ответила. Заметив очевидно мое смущение, они начали рассказывать о каком-то званном обеде, из-за которого опоздали в театр. Вообще, моя застенчивость, мысль о том, что обо мне думают другие, о чем с ними говорить, и как я выгляжу, отравляли все удовольствие. Так что, когда спектакль кончился, мы сели в карету, кто-то захлопнул дверцы, и карета мягко покатила, сопровождаемая звонким цоканием лошадиных подков, я почувствовала большое облегчение.

С первых же дней, каждое утро, я отправлялась в Художественную школу. Находилась она позади Сенного Базара.

Впервые в жизни мне пришлось видеть базар и проходить через него. Его толкотня, крики, лотки, корзинки, вонючая рыба, сырое мясо, селедки, капуста, а главное толстые бабы торговли, их хлесткий, язвительно-остроумный язык, - все это наводило на меня чуть не панику.

И школа сама показалась мне серою и грязною, а ученики неотесанными, мало образованными, опустившимися внешне. Они, казалось, ничего вокруг себя не замечали: ни серости обстановки, ни неаккуратности их одежды, ни их замазанных масляною краской и торчащих, как кора, халатов, ни лиц, с которыми сталкивались - иногда буквально. Их блуждающий отсутствующий взгляд был словно затуманен пеленой, которая, закрывая от них окружающих, позволяла углубляться и видеть то, что было скрыто от глаз других. Ученицы же мало отличались от других обыкновенных барышень. Скоро я освоилась и почувствовала себя в школе легко и свободно, так как видела, что все, как я, всецело заняты одним искусством. Подход был строгий, чисто академический. - Карандашик, карандашик, возьмите-ка карандашик, да проверьте вот тут рисуночек, -

услышишь, если хоть на одну линию собьешься в рисунке. Порою это убивало не только увлечение, но и желание продолжать.

Закончив успешно мой первый учебный год и, попрощавшись с семьей дяди Валеры, к которой привыкла и привязалась, я весной, на целое лето, уехала в Ромейки.

В конце каникул наша семья, собравшись на веранде пила по обыкновению чай. Кучер Юрко, вернувшись с Антоновки, привез почту: письма, газеты, журнал "Нива" с иллюстрациями в красках картин с последних выставок. Папа сразу же развернул газету.

- Что, что такое? - в волнении начал он.

Все оглянулись на него. Папа, с нахмуренными бровями, быстро проводя глазами по строчкам газеты, продолжал:

- "Вчера, двумя выстрелами из револьвера на улице в Сараево убит эрц-герцог Франц-Фердинанд."

- Лида, читай громко, - добавил он, точно желая убедиться, правильно ли прочел и понял. Я четко, старательно, прочла сообщение.

- Какое безобразие и кому он мешал. Убить человека невинного, ни за что ни про что! - возмутился папа, - и кто его знает, что еще из этого может появиться, - добавил в раздумье и опять взялся за газету.

Я продолжала рассматривать "Ниву", мама наливать чай и намазывать маслом хлеб для малышей, Володя, задумавшись, молчал.

Не прошло много времени, как другое, на этот раз грозное и уже затронувшее нашу жизнь, событие потрясло всех:

- Мобилизация!

Приказы молодым мужчинам одним, потом сразу же другим являться на указанные в повестках сборные пункты: уходили некоторые из наших рабочих и, конечно, многие из мужиков на деревне. Было жутко и больно за тех, кто уходил и за тех, кто в их семьях оставался.

Вечером в столовую, где мы сидели за ужином, вбежала горничная и испуганно заявила:

- С деревни пришли призывные и хотят... - не успела она закончить, как комната наполнилась молодыми парнями. Папа быстро встал им на встречу, и я с удивлением заметила, что он побледнел и испугался. Никогда раньше не случалось, чтобы мужики входили к нам в дом, а в особенности целой толпой и без позволения.

- Мы, барин, пришли с тобой попрощаться. Нас вот на войну забирают! - начали они громко и несколько вызывающе.

- Что ж, братцы, видеть вас я рад, а прощаться с вами мне очень тяжело и печально. Бог даст увидимся. Вернетесь домой живы и здоровы - мы вас ждать будем.

Смягчившись, они горько продолжали:

- Эх, барин, кто вернется, кто и нет! Мы просить тебя хотим. Вот останутся сироты наши: дети, жинки, батьки. Коли понадобится им что, не откажи, помоги, не обижай их. А мы...

- Будьте совершенно уверены, все, что могу, я сделаю для них; всем сем могу, поддержу и помогу. Скажите, чтобы в нужде всегда приходили ко мне. Я им никогда ни в чем не откажу, - говорил растроганно папа.

- Спасибо, барин. Будем надеяться на тебя, и прощевай, может колись еще zobачимся.

- До свидания, братцы, и да хранит вас Господь Бог.

Медленно, молча потупившись, они один за другим оставили комнату.

Долго сидели мы подавленные этим прощанием, ничего не говоря и как бы совестясь нашим благополучием. Никто из нашей семьи не уходил: папа был уже стар, а Володя молод. Никто не шел и из семьи Неревича.

Приближалось время Володиного отъезда в гимназию, а моего в Киев.

"Бедный Володя, не хочется ему ехать, надо много заниматься, последний год, экзамены; недаром он ходит, как туча и все думает", сочувственно поглядывая на него, размышляла я.

Оказалось, причина этому была другая. Пришел день, когда собравшись с духом, Володя заявил родителям, что он собирается идти на войну.

- С ума ты сошел, Володя, тебе в гимназию надо собираться, а не на войну, - не веря своим ушам и даже рассердившись, сказал папа, - а кроме того, тебя и не примут, ты по летам еще не подходишь, - закончил, подумав и успокоившись, папа.

Однако, через некоторое время, Володя, вернувшись с почты, радостно сообщил, что он получил ответ на поданное им тайком от нас прошение. Его уведомяли, что на войну его послать не могут, но он может поступить в юнкерское училище и, после окончания ускоренного военного времени курса, его могут отправить на фронт.

- Володенька, милый, подумай, это ведь тебе не лошадей купить на речке, да песни распевать, - упрашивала его мама, - там ведь, убить могут, ранить, ты же еще малень... - маленький, чуть не вырвалось у мамы с языка, - молоденький. Кончай сначала гимназию, а потом пойдешь.

- Нет, мама, пока я окончу гимназию и война окончится, - упрямо на своем стоял Володя.

- Володя! Неужели тебе хочется кого-то убивать или хоть ранить, разве ты это можешь делать? - уверенная, что это очень убедительно и неоспоримо, говорила я.

- Не "кого-то", а немцев, чего лезут, - бурчал Володя.

- Хорошо, но и тебя же могут убить.

- Почему меня вдруг так сразу и убьют, не такой же я маленький и беспомощный, как вы все думаете, - не желая больше слушать, закончил Володя.

Ни мольбы мамы, ни уговоры папы: ничто не помогло. Мы почти одновременно выехали из Ромеек. Володя в юнкерское училище, а я в свою школу в Киев.

В доме дяди Валеры все было завалено свертками полотна и горами покровенного и сшитого мужского белья. Две портнихи и Нинина гувернантка целыми днями шили его для солдат на фронте и в госпиталях. Ни тетя, ни Нина, ни я этого делать не умели, а пришивали только пуговицы. Откусив нитку, Нина, приблизив лицо свое ко мне, спросила:

- Лида, посмотри, у меня между бровями образовалась трагическая складка, видишь?

- Вижу, маленькая складка есть, но почему ты думаешь что она трагическая? Почти у каждого между бровями есть складка, - успокоительно сказала я.

- Ах, ты, какая слепая, никогда ничего не видишь, что кругом тебя делается. Где-то в небесах витаешь. Ни люди, ни их жизнь тебя не касаются, какая-то не от мира сего, или просто...

- Глупая, может, хочешь сказать, - обиженно прервала я, не понимая ее раздражения. Вечером, когда мы по старой привычке, сидели с ней в погруженной в сумерки зале, она, прервав свое грустное пение, вдруг сказала:

- Ты знаешь, я выхожу замуж за Варнич-Варницкого.

- Что?... Да ты же говорила, что терпеть его не можешь и никогда за него не выйдешь, - с крайним изумлением сказала я.

- Ну, да, но я передумала, - словно сама недоумевая, как это она передумала, сказала Нина.

- Видишь, летом была такая скука. За границу не поехали. Он тут один вертелся. Мама меня все уговаривает. Папа подарит мне серьги, помнишь, те - как звезды. В Петербурге мне чудесную квартиру меблируют, я буду дама, ну вот, понимаешь? А кроме того, - тут Нина понизила голос, - ты вот не знаешь, а мама уже давно завела роман с доктором Пивонским. Он известный на всю Россию хирург. Папа, конечно, об этом знает. Я из своей комнаты часто слышу драмы, которые у них в спальне происходят. Хотят или разойтись, или разводиться. Мама тогда может жить у меня. Папа настаивает, чтобы я выходила замуж. Понимаешь?

Трудно мне было это понять. Единственно, что стало мне ясно только теперь, - это настроение дяди и всей семьи. Кроме того, вспомнила господина в первых рядах партера, который вместо того, чтобы смотреть на сцену, всегда смотрел в нашу ложу. В ожидании, назначенной через два месяца Нининой свадьбы, вся семья погрузилась в хлопоты по подготовке к свадьбе и приготовлению богатого приданого: горы тюля, кружев, шелкового белья, мехов, серебра и прочее.

Копаясь с увлечением во всем этом, никто и не думал о войне. Только, после потрясшего всю Россию, поражения под Танненбергом и последовавшего второго на Мазурских болотах, когда в Киев стали прибывать поезда с изувеченными ранеными, мы на время очнулись, пораженные странными и непонятными для нас событиями. Даже начали думать: не пойти ли в сестры милосердия.

- Ты, в сестры милосердия! - сказала мне Нина, - стоит тебе только увидеть кровь да раны, да услышать стоны раненых, - то сразу же: бух! - в обморок! Кроме возни, да хлопот с тобою - ничего больше. Не велика помощь!

Сама она однако тоже не пошла. Очевидно, то что говорила обо мне, относилось в равной степени и к ней. Все дело этим и кончилось. Прошло несколько недель, первое впечатление сгладилось, и все пошло у нас по старому.

Накануне свадьбы, вечером, в комнату ко мне торопливо вошла Нина. Взглянув на нее, я подумала что что-то случилось. Ее и без того большие глаза расширились и пугливо

метались по сторонам, словно ища выхода, губы дрожали.

- Я не хочу, не хочу выходить за него замуж, ни за что, - со слезами в голосе произнесла она, в то же время как бы удивляясь своему страху и, видно, в первый раз отдавая себе отчет в значении, ожидавшего ее замужества.

- Скажи, что делать? - беспомощно добавила она.

- Что же теперь сделаешь, - растерянно ответила я, - завтра же свадьба, все гости съедутся, что же ты раньше думала?

- Ничего не думала... Ничего, оставь меня... - всхлипнув сказала она и помолчав, добавила. - Я вот что придумала: сейчас пойду и приму горячую, как кипяток, ванну, а потом приду к тебе в комнату, замкнем двери, и раскроем во всю окно. Я вылезу туда и получу воспаление легких. Завтра у меня будет жар и свадьба расстроится.

Так мы и сделали. Не только воспаления легких, но даже простого насморка, Нина не получила, и на другой день свадьба состоялась со всем надлежащим блеском и шумом. В поезде, в котором молодые сразу же после роскошного свадебного обеда отправились в Петербург, было взято три отдельных купе: для Нины, для мужа и для горничной Насти с собачкой "Франтиком".

Впоследствии Нина и Настя рассказывали, что на ночь Нина, взяв к себе Настю с собачкой, замкнула дверь, опасаясь, что ее мужу вдруг вздумается заглянуть к ней.

Я была в Киеве, когда Володя окончил Юнкерское Училище и ушел на войну. Увидела я его только тогда, когда он, после вторичного ранения и пребывания в госпитале, приехал в Ромейки.

Володя не любил много рассказывать о жизни на фронте и военных действиях. Только накануне отъезда, когда мы все после ужина остались в столовой, Володя, в более приподнятом, чем обычно настроении, разговорился откровенней.

- Мы, как кроты, зарылись в окопы и целыми неделями не вылазим не свет Божий. От

скуки одуреть можно. Солдаты тоскуют. Я вполне понимаю их мысли и настроения. Они меня любят и считают храбрым, наверное, потому что я часто соглашаюсь, когда вызывают желающих идти на вылазки. Это добровольно. Идут только те, кто сам хочет. От скуки и кроме того, мне интересно, я иногда хожу. Днем вылезти невозможно. Немцы так пристрелялись, что чуть высунешь не то что руку, а палец, то в одну секунду место это покроется свистом пуль. Ночью же не так опасно. Надо сообразить, вернее почувствовать, подходящий момент. А когда вылезешь, то уже не до страха. Все внимание, как бы поближе подобраться к немецким окопам. Ползешь, как можно бесшумнее между деревьями и кустами. Темень, ничего не видно: то провалишься в какую-то яму, то влезешь в воду, то зацепишься за что-то колючее, или почувствуешь под рукой что-то холодное, скользкое, иногда такое вонючее, чтодохнуть нельзя; но тут не до нежностей - весь слух, нервы, все напряженно, натянуто как струны...

- Ах, перестань, ради Бога! Лучше уже и не рассказывай, - не выдержала мама, не сводившая с Володи своих заплаканных глаз.

- Володя, Володя, и зачем ты это делаешь? Мало тебе? Уже пошел на войну, то хоть сиди в окопах, как все, зачем вылазить, и без того каждый день рискуешь жизнью, - молила мама.

- Да чего вы, мама, - видите, ничего плохого со мной не случилось, жив и здоров и дальше так будет. А тебе, Лида, я привезу каску с немецкого офицера, увидишь, непременно привезу, - говорил, утешая нас, Володя.

- А на что мне эта каска? Я ее совсем, совсем не хочу. Пожалуйста, не привози, я ее все равно выброшу, - говорила я.

При прощании, Володя сказал шутя, что теперь он едет защищать Ромейки, так как немцы, заняв Польшу, все ближе и ближе приближались к нам.

24-го августа 1915 года немцы заняли Ковель.

Несмотря на близость театра военных действий, это лето в Ромейках мало чем отличалось от других. Заведенное десятками лет хозяйство и образ жизни, шли по инерции своей обычной чередой, хотя многих из участников этой жизни уже не доставало. Ушел тоже на войну и Неревич. Семья его продолжала на прежних условиях жить в Ромейках. Хозяйство вел, договоренный папой, очень опытный старик поляк. Большую часть времени я стала проводить с Лелей, так как разница лет между нами начала стусшеываться.

Стоял жаркий день конца лета, самый обыкновенный, спокойный день, как все другие. На веранде, обросшей густыми листьями дикого винограда, было прохладно. Отогнав, влетевшего через проход и метавшегося с гулким жужжанием шмеля, я продолжала разглаживать на столе свою белую блузочку.

- Лида, идем послушаем. Там приехал какой-то чиновник из волости и хочет говорить с

папой и мамой у крыльца. Что-то, кажется, очень плохое, - сказала Леля, приоткрыв стеклянные двери столовой.

Выйдя с нею на крыльцо, мы услышали:

- И как это вы еще здесь сидите? Разве не знаете, что уже все давным-давно выехали. Со дня на день ожидается наступление немцев. К фронту без перерыва идут поезда с войсками и боевыми припасами, назад возвращаются пустыми. Всем беженцам предоставляются в них места, совсем бесплатно. Вещей можно брать сколько угодно, хоть целый вагон. Торопитесь, может завтра уже будет поздно, - закончил свою речь чиновник.

От неожиданного и страшного значения этих слов, нас всех охватила паника. Папа только на всякий случай послал на станцию Юрка, чтобы проверить известие.

- Бачил, яких-то два поезда перешло через станцию, а больше не, - ничего. Хтось-то казал, шо нимцы недалеко, десь коло Стыру, а може уже и перешли Стыр. Нихто ничего ни ведае, - доложил, вернувшийся, Юрко.

Слова его были до некоторой степени успокоительны. Но охваченные страхом, мы уловили в них только одно: "Немцы на Стыре, а может и ближе! Ведь это всего верст сорок от нас, как же так скоро случилось, они были еще далеко, мы же ничего не слушали, а вдруг не успеем?" - все больше и больше поддавались мы панике.

"А может лучше было бы не ехать? Может немцы задержатся. В конце концов мы же не солдаты, а мирные жители. А как интересно было бы теперь здесь остаться..." - пришло мне вдруг в голову. Но я никому своих соображений не сказала, чувствуя что никто их не послушает, а кроме того, вспомнив, что в Наполеоновскую Войну тоже все уходили, решила, что так, значит, полагается.

- Надо уезжать. Откладывать нельзя, нет смысла. Надо пользоваться пока идут поезда. Ждать нечего и незачем, - испуганно и глухо говорил папа, сразу осунувшись. Мама не протестовала, поддаваясь его беспокойству, но глядела молча, с окаменелым непониманием.

Выехать решено было на другой же день. Суматоха поднялась невообразимая, словно в муравейнике, что кто-то проходя, копнул ногой. Из кладовых вытаскивали какие-то запыленные, с поломанными замками старые корзины и сундуки. Туда бросали все что под руку попадет: белье, платья, шубы, подушки, одеяла вперемешку с посудой, чтобы не разбилась, туда же столовое серебро, а на верх иконы для охраны от расхищения.

Девки стирают белье и мокрым складывают в корзину. Целую ночь на дворе горит костер: что-то жгут, смалят, режут кур, гусей, индюков. Крики, беготня всю ночь.

Наутро выехали, будто целая немецкая армия гналась за нами по пятам.

Проехав Киев, мы отправились, с разрешения дяди Валеры, в одно из его имений - "Березовую Грядку", где поселились в пустом, никем не занятом, доме.

Через несколько недель папа узнал, что наша армия остановила продвижение немцев и линия фронта закрепилась на Стыре не дойдя до Ромеек. Успокоившись и собравшись с силами, папа решил проехать туда, чтобы узнать как обстоят дела и, одновременно, отправить оттуда на Березовую Грядку несколько лошадей, коров, запасы продуктов и некоторые вещи.

Назад папа вернулся совершенно подавленный и разбитый. Его глаза смотрели с печальным изумлением, как у обиженного ребенка. Мы все окружили папу, слушая его, у стола в гостиной.

- Ромейки разграблены совершенно, - говорил он, - мужики разбили винокуренный

завод, спирт выпустили в речку, а завод сожгли. Лошади, коровы, волю - все растянули. Лес рубят, землю захватили и пахут... Все, все погибло. - После охватившего нас молчания, он продолжал, - в доме поселились офицеры. Очень милые и симпатичные. Меня пригласили, и я жил у них. Они очень сочувствуют, но говорят, что ничем помочь не могут. Им запрещено вмешиваться. - Папа говорил шопотом так тихо, что с трудом можно было расслышать его слова.

Я понимала что этим он хотел выразить то отчаяние, то горе, которое давило его. Кто-то за столом о чем-то его громко спросил. Папа остановился, глядя перед собой и, точно не понимая или же не слыша, ничего не ответил.

- Тише, мешаешь слушать, - сказала я, возмущаясь грубостью громко прозвучавших слов. Мне это показалось так же неуместно, как при постели тяжело больного или умирающего.

Тяжелое время наступило для нашей семьи. Ни о том комфорте, ни о том изобилии продуктов какие были в Ромейках, не было и речи. Особенно трудно было маме без прислуг. Ей пришлось самой делать почти всю домашнюю работу. Мы девицы, не приученные к ней, привыкшие, что все подано и сделано, как нам казалось, само собой, не понимали нужд повседневной жизни и помощью для мамы не были.

Наши родственники пришли на помощь. Лелю и Марусю забрала к себе папина сестра. Меня же тетя Нюня и Нина звали в Петроград. Нина, к этому времени, уже успела разойтись с мужем.

Это приглашение было для меня большою радостью. По укоренившейся привычке, всегда осенью уезжать в город, по эгоизму молодости и непреодолимому желанию увидеть столицу с ее светской жизнью, я ни на одну минуту не задумывалась, что в это тяжелое время, мне нужно было бы оставаться с родителями и поддержать их. Они же, как всегда заботясь больше о нас детях, чем о себе, без всякого колебания согласились на мой отъезд.

[Глава 4](#)